

УДК 930.1

А.Д. МЕДВЕДЕВ
(madasein@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ПРЕДЕЛЫ ПОНЯТИЙ «ПАМЯТЬ» И «ЗАБВЕНИЕ»*

Проведено исследование противоречий между памятью и забвением, которые возникают в академических и общественных дискуссиях о сохранении и расширении архивов, связанных с конфликтами, войнами и периодами политических репрессий. Рассмотрены различные научные подходы, внесшие весомый вклад в построение представления о том, что такое история, память и забвение.

Ключевые слова: индивидуальная память, коллективная память, историческая память, историческая политика, забвение прошлого.

Морис Хальбвакс был первым социологом, который сделал попытку осознать роль памяти в области социального взаимодействия. Отвергая модернистскую идею о том, что память является результатом запечатления реальных событий в человеческом разуме, он выдвинул следующий тезис – люди сплетают свою память с чужой на основе различных форм взаимодействия с другими людьми. Таким образом, некоторые воспоминания повторяются: например, в семье, среди рабочих на заводе и т. д. В связи с тем, что субъекты принадлежат не только к одной социальной группе, но и вовлечены в многочисленные общественные отношения, индивидуальные различия в памяти иллюстрируют их жизненные траектории. Индивидуальная память лишь раскрывает сложности социальных взаимоотношений, с которыми сталкивается всякая личность [14, с. 43].

Таким образом, главная заслуга работы М. Хальбвакса состояла в том, что он показал невозможность отделения индивидуальной памяти от коллективной. Память формируется людьми, которые взаимодействуют друг с другом и социальными группами, и результатом этого процесса становятся частные воспоминания. Даже если субъект склонен считать, что его память носит сугубо личный характер, т. к. она хранит события, в которых принимал участие лишь субъект, или факты и предметы, свидетелем и обладателем которых был только он один, по сути, эту память следует называть также коллективной, поскольку личность является результатом социализации и мировоззрений, основанных на такой коллективной конструкции, как язык [Там же, с. 103].

Если два человека из разных культур потеряются в одной и той же пустыне, они будут носить с собой разные воспоминания, описания и чувства, связанные с их новым жизненным опытом. Строго говоря, их воспоминания не будут индивидуальными, поскольку, как утверждает М. Хальбвакс, человек никогда не бывает один [Там же, с. 103].

Сделав память предметом социо-гуманитарных наук, М. Хальбвакс повторяет аргумент французского социолога Эмиля Дюркгейма о преобладании коллектива над индивидуальным сознанием [4, с. 8–9]. Этот акцент М. Хальбвакса на доминанте коллектива был теоретически уравновешен другими исследователями, изучавшими участие социальных агентов в интерактивных процессах. Изучением М. Хальбваксом социальных рамок памяти и интерактивных подходов к коллективной памяти, в свою очередь, показывает, что ни исторической правды, ни спонтанной памяти на самом деле нет.

Подозревая это, французский историк Пьер Нора в 1980-х годах выпустил сборник статей, в которых авторы исследуют «места памяти» во Франции или, иными словами, символические места, созданные французским народом. Объектами исследования «Места памяти» были не документальные источники или индивидуальные воспоминания, а свидетельства прошлых эпох, включая музеи, архивы, кладбища, коллекции и т. д. Также актуальным было проведение Пьером Нора различий между историей и памятью [9]. Во введении к антологии Нора противопоставляет различные подходы

* Работа выполнена под руководством Ковалева А.В., кандидата исторических наук, доцента кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществоведения ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

изучения прошлого. По его мнению, историография – это линейное повествование, лишенное какого-либо содержания, относящегося к прошлому. В отличие от истории, коллективная память связана с настоящими воспоминаниями, передаваемыми из поколения в поколение. Тем не менее, они также ограничены в понимании прошлого, поскольку люди зачастую не знают, что их собственное сознание трансформирует прошлое. Индивидуальная и коллективная память уязвима для манипуляций, поэтому и история, и память не имеют полного доступа к прошлому [10, с. 26].

Проводя различие между историей и памятью, Вальтер Беньямин в своих размышлениях указывает на пределы исторического подхода, где одновременно перечисляются факты и события. В. Беньямин понимал, что передача коллективных представлений от индивида к индивиду со временем будет становиться все более разрозненной и прерывистой [3, с. 81–90].

По мнению немецкого историка Рейнхарта Козеллека, современность дифференцируется концептом «нового». Эта концепция делает каждый момент уникальным и независимым от предшествующих моментов. Современный мир отличается от старого тем, что он полон своеобразных особенностей и всегда открыт для будущего. Это “time future”, независимо от повседневного опыта, накопленного за века, приводит к разрыву между настоящим и прошлым; и придает забвению все, что было до него [6, с. 33–53].

Такие авторы, как Энтони Гидденс, Скотт Лэш утверждают, что современные люди обладают большой автономией по отношению к традициям, будучи обособленными и свободными перед новым опытом [5, с. 62]. Для них современные общества характеризуются ускоренными – почти революционными – темпами изменений, а индивидуальность личности объясняется его отдаленностью от коллективного опыта прошлого [7, с. 54]. В отличие от В. Беньямина, они считают, что чем более нестабильными и подвижными становятся социальные взаимодействия, тем более важными становятся индивидуальные действия или, иными словами, “their capacity for choice and decision-making, become”, – как по Ф. Ницше [8, с. 130–131], только люди настоящего способны делать выбор и брать ответственность за проекты будущего. В этом контексте исторические нарративы отражают текущий процесс отбора и реконструкции следов прошлого. Так, эти авторы, изучая историю и память, неизбежно имеют дело с осцилляцией современного мира. Очевидно, что есть другие исследователи, верующие в контакт между прошлым и настоящим.

Французский философ Поль Рикёр утверждает, что память – это постоянная регулярный и всеобъемлющий механизм личности, которая имеет постоянное свойство накладываться на заранее установленные социальные процессы [11, с. 52].

Создание архивов, классификация данных, а также организация ритуалов и торжеств – это мероприятия, которые связаны с памятью и играют важную роль в обществе. Постоянно ведется острая политическая борьба, связанная с созданием и сохранением архивов, относящихся к периодам господства и насилия, в ходе которых нарушались права человека. На протяжении XX в. основные требования жертв тоталитарных и репрессивных режимов нашли свое выражение в движениях за восстановление памяти. Архивы, артефакты и свидетельства прошлого использовались в качестве доказательства прошлого, которое было намеренно забыто в официальных версиях истории. В попытке собрать все, что осталось доселе в неведении, привело к появлению «подпольной истории» [19]. Отсюда память ассоциируется с теми, кто обладает политической властью, т. к. держатели этой власти решают, какие нарративы следует помнить, сохранять и распространять.

Как было заявлено выше, не все, что связано с прошлым, является предметом обсуждений в настоящее время. Последние историографические подходы сделали исследование прошлого более трудоемким. Такой автор, как Хейден Уайт, ослабляет лингвистические подходы и ограничивает поиск подлинных фактов сферой языка [12, с. 22]. Это определяет описание не только характера события, но и его политические последствия. Одной из характерных особенностей современной историографии является систематический пересмотр политических конфликтов в современную эпоху. Во Фран-

ции, в дополнение к пересмотру основных событий, связанных с Французской революцией, всегда по-новому интерпретируется наследие правительства Виши.

Некоторые исследователи также изучают память о ситуациях, связанных с насилием. В этой теме была отмечена неспособность жертв дать показания. Не имея возможности понять пережитый ими опыт или обозначить его значение, они теряют способность на практике использовать свои воспоминания. Таким образом, память не может быть сведена к политическому инструменту, т. к. выходит за рамки попыток контролировать ее.

Описание реальности всегда являлось проблемой. Возможно, мы понимаем, что нет слов для описания ужаса и что те, кто пытается его объяснить, в конечном итоге устраняют любую возможность столкнуться с этой трагедией или исправить ее. Люди находят убежище в повседневных делах, но не всегда решают проблемы, связанные с насилием и страданиями, которые являются основными элементами человеческой жизни. В изучение возможностей восстановления и объяснения травм были вовлечены исследователи из различных академических областей.

Зигмунд Фрейд по-своему показал, что люди не могут полностью контролировать свои воспоминания; они могут возвращаться к ним многократно, не желая этого делать со своей стороны, или они могут лишиться возможности предаваться воспоминаниям. Для З. Фрейда травма является следствием либо опустошающих событий, либо неготового к раздражителям психического аппарата человека [13, с. 50]. Когда особенно мощный раздражитель действует на нас, мы можем оказаться не в состоянии реагировать на него. Он разрушает наши защитные барьеры, чтобы стать частью нашего реального существа, и мы не в состоянии от этого защититься. Наше самосознание терпит неудачу. Это объясняет кошмары, которые постоянно повторяются, оставляя людей неспособными защитить себя. Насилия прошлого возвращается в виде воспоминаний, кошмаров и других подобных явлений.

Кроме того, работы Ф. Ницше и М. Шелера помогают нам понять установки, которые выходят за все моральные рамки, которые можно ожидать от человека. Память и забвение также связаны с этическими и моральными вопросами. М. Шелер в своем исследовании о ресентименте указывает, как глубокие переживания, связанные со страданиями и унижением, могут привести к заразному ощущению мести и злобы [15, с. 13–14]. Связывая травмирующий опыт с индивидуальностью субъекта, мы видим, что его отношение к прошлому не сводится исключительно к знанию того, что он оставил позади. Память нельзя рассматривать только как восстановленное прошлое. Это может заставить человека заново пережить пережитое и вызвать новые желания и эмоции, которые могут быть крайне негативными и разрушительными. Возвращение к прошлому может включать в себя возможность осмысления событий, явлений и ситуаций, но оно также возрождает чувства, которые ранее были подавлены. Даже если репрезентация возможна, мы должны спросить, желательно ли это и возможно ли интегрировать травму в нашу жизнь безболезненно.

Как мы реагируем, например, на вопрос, поднятый Тауссигом, когда он осуждает жестокое уничтожение испанцами американских индейцев после их прибытия в Америку? Этот антрополог справедливо утверждает, что завоевание уже произошло и не требовало подобного насилия [22, с. 190]. Как нам понять Холокост? Как мы можем объяснить массовую расправу над тутси в Руанде? Что можно сказать об отношении сербов в Косово? Чем больше историки ищут объяснений допущенным варварствам, тем больше эти эксцессы остаются за пределами нашего логического и рационального понимания.

Некоторые исследователи считают, что в случаях крайнего насилия может существовать прямая связь между событием и его репрезентацией. Как и Батай, израильский историк Саул Фридендер также утверждает, что крайнее насилие имеет свои уникальные особенности. Уничтожение евреев не может быть предметом теоретической дискуссии; это было уникальное событие, которое необходимо фиксировать точно. В связи с тем, что воспоминания о травмирующем событии в большинстве случаев очень точны и скрупулезны в использовании деталей, они обеспечивают прямой доступ

к реальному событию. Таким образом, С. Фридлиндер считает, что Холокост может передаваться без искажений и примитивизации благодаря его излишкам. Крайне жестокое насилие Холокоста позволило историкам реорганизовать свое понимание действительности. По мнению историка, поскольку избыток выходит за рамки творческих и репрезентативных возможностей человека, событие говорит само за себя [12, с. 87]. Индивидуум описывает не конструированные события, пережитого в прошлом, а само событие. Передача истины без посредника свойственна показаниям о травматических ситуациях. Подтверждение «подлинного» возможно, потому что сознание отключено.

Архивы, свидетельства, показания и записи становятся достоянием общественности с целью донести до будущих поколений абсурдность излишнего насилия. Архив и мемориал «Яд Вашем» в Иерусалиме содержит самый большой в мире объем информации о Холокосте и в настоящее время играет важную политическую роль в разоблачении и, на чем настаивает Алейда Ассман, осуждении тех, кто причастен к гитлеровскому режиму [1, с. 33]. Аналогичную роль играют и другие архивы. В Международном совете по реабилитации жертв репрессий в Копенгагене также размещается важная коллекция заявлений и информации о нарушениях прав человека, имевших место в ходе недавних войн, таких как войны в Боснии, Афганистане и Ираке. Организации созданы для борьбы с нарочным забвением путем восстановления имен и воссоздания фактов, которые еще можно запомнить. Роль этих архивов заключается не в том, чтобы объяснить то, что не может быть объяснено, а в том, чтобы сохранить память о том, что не может быть повторено.

Так, мы можем прийти к выводу, что окончательного решения по вопросу о памяти не существует. В некоторых случаях отказ от памяти может быть не только выбором, но и predetermined фактом. Более того, несмотря на исключительный характер травматических ситуаций, нескольких авторов выделили им конкретное место в современной повседневности. Описание В. Беньямином опыта шока является одним из самых ранних и сильных образов современного человека, раздробленного и неспособного реагировать на раздражители, с которыми он сталкивается [3, с. 81–90].

Историки, работающие в направлениях новейшей истории, и особенно устной истории, занимались реконструкцией в рамках исторического нарратива, который подразумевал субъективность, чувства и человеческий опыт. Эта озабоченность выражается, с одной стороны, в постоянных усилиях по выявлению наиболее изощренных и замаскированных форм власти, которые очень часто устанавливаются в ходе социального процесса построения памяти, и, с другой стороны, в сохранении «подпольных» воспоминаний. Новая историография дает возможность высказаться тем, кто не фигурирует в документальных записях, что позволяет восстанавливать коллективную историю в небольших масштабах. С помощью рассказов, построенных на основе личных судеб каждого человека, они ищут недостающие для полной реконструкции детали, которые ускользают при использовании других форм анализа [Там же].

В тексте «Память, Забвение, Воспоминание» французский социолог Микаэль Поллак обращает наше внимание на процессы доминирования в различных версиях и воспоминаниях, указывая на разрыв между доминирующей официальной памятью и отличающееся замалчиванием и ресентиментом «подпольной памятью» [19]. Этот раскол может возникнуть не только в отношениях между политической властью и гражданским обществом, но и в отношениях между инклюзивным обществом и группами меньшинств. «Запретные», «невывразимые» или «позорные» воспоминания очень часто ослабляют самую законную и сильную из всех форм коллективных памяти – национальную память.

В этом контексте исследование французского историка Анри Руссо представляют большой интерес. А. Руссо изучал процессы «формирования» французской национальной памяти, включая забвение и политическую реконструкцию, главным образом в связи со Второй мировой войной, сопротивлением и коллаборационизмом. Он показывает, что и коллаборационизм, и правительство Виши оказались на задворках национальной памяти, забытыми и, что еще хуже, скрытыми [20, с. 95].

Предупреждение, данное французским социологом Пьером Ансартом, прекрасно относится к исследованию, проведенным Анри Руссо: «Мы должны учитывать злобу, зависть, желание отомстить

и смертельные фантомы» [2, с. 132]. Цель П. Ансарта – включить «теневые, тревожные, часто ужасающие» аспекты прошлого опыта в историческое изложение. Основываясь, в частности, на аргументах Ф. Ницше, П. Ансарт предлагает исследователям историю обид (ресентимента), в которой учитывается, например, опыт унижения и страха как движущей силы человеческой деятельности.

Эти авторы сталкиваются с политической травмой, полученной в результате геноцида, диктатуры и тирании.

Теоретический и методологический вопрос, который необходимо затрагивать при определении пределов понятия «память» и «забвение», заключается именно в том, чтобы включить конструирование субъективности в исторические и антропологические исследования. Это означает больше, чем просто оценку субъективности в историческом повествовании. Необходимо включить субъективность в качестве объекта и инструмента исследования по примеру Аарона Аппельфельда [16]. Историки должны исследовать состояния людей (ее свидетелей) – как они фиксируют и соотносят страх, боль, унижение, а также надежду, счастье, утешение и удовольствие, другими словами, все переживания и эмоции, испытанные во время войны.

Таким образом, выше были рассмотрены различные подходы, которые внесли весомый вклад в построение представления о том, что такое история, память и забвение. Однако, как говорит нам философ Эдвард Кейси, какая бы память ни была, она выходит за рамки человеческого разума и сопротивляется рациональному освоению. Когда нам нужно дать точное описание памяти, мы словно «дрейфуем в виртуальном море языковой путаницы и забвения Саргассова моря» [17, с. 89].

Столкнувшись с целым рядом подходов и политических проблем, мы стремились подчеркнуть, что задача исследователей, изучающих прошлое, связана не только с поиском знаний, т. к. она затрагивает политические и моральные вопросы [21, с. 73–98]. В осуждении нарративов, которые, хотя и раскрывают факты и события прошлого перед нынешними поколениями, воспроизводят потуги политической власти доминировать в историческом дискурсе, участвовало бесчисленное количество исследователей. Так называемая объективность и нейтральность подходов, направленных на восстановление прошлого на основе научных методов и строгих стандартов, может приобретать новейшую из форм контроля.

Следовательно, смешивая несколько интерпретаций истории, памяти и забвения, мы стремимся показать, что существуют различные способы решения проблем прошлого, все из которых связаны с интересами, властью и забыванием. Политика сохранения подлинной памяти должна найти баланс между одержимостью прошлым и попытками придать что-то забвению.

Литература

1. Алейда Ассман. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
2. Ансарт П. Современная социология // Социологические исследования. 1996. № 2. С. 125–139.
3. Беньямин В. О понятии истории // Новое литературное обозрение. 2000. № 46. С. 81–90.
4. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда; Метод социологии. М.: Наука, 1991.
5. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / пер. с англ. М.Л. Коробочкина. М.: Весь Мир, 2004.
6. Козеллек Р. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. Вып. 5. СПб.: Алетейя, 2006. С. 33–53.
7. Лэш С., Урри Дж. Хозяйства знаков и пространства (введение) // Экономическая социология. 2008. Т. 9. № 4. С. 49–55.
8. Ницше Ф. Так говорил Заратустра: [книга для всех и ни для кого] / пер. с нем. Ю. Антоновского. М.: Эксмо, 2019.
9. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. С. 17–50.
10. Нора П. Франция. Память. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999.
11. Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитар. лит.-ры, 2004.
12. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2002.
13. Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе. М.: АСТ, 2006.
14. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое изд-во, 2007.
15. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей / пер. с нем. А.Н. Малинкина. СПб.: Наука; Университет. книга, 1999.

16. Appelfeld A. The Story of a Life: A Memoir. Schocken, 2004. P. 208.
17. Casey ES. Remembering: A Phenomenological Study. Bloomington: Indiana UP, 1987. P. 89.
18. Friedländer S. Probing the Limits of Representation: Nazism and the Final Solution. Cambridge, Mass.: Harvard UP., 1992. P. 416.
19. Pollak M. Memória, Esquecimento, Silencio. Estudos Históricos, Rio de Janeiro. 1989. Vol. 2. N. 3. P. 3–15. [Электронный ресурс]. URL: http://www.uel.br/cch/cdph/arqtxt/Memoria_esquecimento_silencio.pdf (дата обращения: 17.11.2019).
20. Rousso H. Vichy: L'événement, la mémoire, l'histoire. Gallimard, 2001. P. 750.
21. Seligmann-Silva M. A História como Trauma. Catástrofe e Representação: ensaios. São Paulo: Escuta, 2000. P. 73–98.
22. Taussig M., Shamanism, Colonialism, and the Wild Man: A Study in Terror and Healing. [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/37248171/Shamanism_Colonialism_and_the_Wild_Man_A_Study_In_Terror_and_Healing (дата обращения: 17.11.2019).

ALEKSEY MEDVEDEV

Volgograd State Socio-Pedagogical University

LIMITS OF THE CONCEPTS “MEMORY” AND “OBLIVION”

The article deals with the study of the contradictions between memory and oblivion that appear in academic and public discussions of the preservation and widening of the archives associated with conflicts, wars and periods of the political repressions. There are considered the different scientific approaches contributing in the development of the concept of history, memory and oblivion.

Key words: individual memory, collective memory, historical memory, politics of memory, oblivions of the past.